

Пономарева Дарья Васильевна

**ВСЕМОГУЩЕЕ БЕССИЛИЕ ДОНА РУМАТЫ: О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ДОНКИХОТОВСКОЙ СИТУАЦИИ В РОМАНЕ А. И Б. СТРУГАЦКИХ "ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ"**

В статье анализируется специфика донкихотовской ситуации в романе А. и Б. Стругацких "Трудно быть богом". Донкихотовское положение главного героя романа дон Руматы, самозванца, бунтаря, странника и лишнего человека, проходящего испытание на человечность, раскрывается как драматически неразрешимое. Истинное донкихотство - это не борьба за человечество, а сражение за человека, вечная битва против зла в душе самого человека, которая продолжается, пока существует человек, а человек остается человеком только до тех пор, пока идет эта борьба.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 240-242. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Abduh I.** A'lam al-sihafa al-Arabiyya. Cairo, 1948. 453 p.
2. **Ayalon A.** The Press in the Arab Middle East. A History. N. Y.: Oxford University Press, 300 p.
3. **Heyworth-Dunne J.** Printing and Translation under Muhammad Ali: the Foundation of Modern Arabic // Journal of the Royal Asiatic Society. 1940. Part III (July). P. 325-348.
4. **Jayyid Ramzi M.** Tatawwur al-khabar al-sihafa al-misriyya. Cairo: Dar al-Kutub al-Mysriyya, 1985. 581 p.
5. **Sabat K.** Tarikh al-tiba'ah fi al-Sharaq al-'Arabi. 2nd ed. Cairo: Dar al-Ma'arif, 1966. 378 p.

**FORMATION OF THE EGYPTIAN GOVERNMENTAL PRESS OF THE XIX CENTURY
AS A BASIS OF FURTHER DEVELOPMENT OF NATIONAL JOURNALISM**

Malakhovskii Aleksei Kimovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
alexeyright@gmail.com

The article is devoted to analyzing the formation and early development of the Egyptian press in the first half – the middle of the XIX century, when, being the province of Ottoman Empire, the country, liberated from Napoleon's troops, tended to pursue more autonomous internal and foreign policy. The author examines the activity of the first Egyptian periodicals issued during the reign of Muhammad Ali dynasty. The author concludes that the first Egyptian governmental newspapers and magazines published under close control of ruling circles laid the foundation for the Egyptian commercial press of the end of the XIX century which in the course of time became the best one in the Arabic world.

Key words and phrases: Napoleon's Egyptian campaign; "Le Courier de L'Egypte"; "La Decade Egyptienne"; "The Journal of the Ruler"; "The Egyptian News"; "The Military Newspaper"; "The News of Commerce and Royal Decrees"; Ismail Pasha's rule; information policy; governmental periodicals; private press.

УДК 821.161.1

В статье анализируется специфика донкихотовской ситуации в романе А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом». Донкихотовское положение главного героя романа дон Руматы, самозванца, бунтаря, странника и лишнего человека, проходящего испытание на человечность, раскрывается как драматически неразрешимое. Истинное донкихотство – это не борьба за человечество, а сражение за человека, вечная битва против зла в душе самого человека, которая продолжается, пока существует человек, а человек остается человеком только до тех пор, пока идет эта борьба.

Ключевые слова и фразы: бр. Стругацкие; дон Румата; донкихотовская ситуация; донкихотство; самозванец; бунтарь; странник; лишний человек.

Пономарева Дарья Васильевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
darya-ponomareva@bk.ru

**ВСЕМОГУЩЕЕ БЕССИЛИЕ ДОНА РУМАТЫ: О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ДОНКИХОТОВСКОЙ СИТУАЦИИ В РОМАНЕ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»**

Как неоднократно отмечали исследователи творчества А. и Б. Стругацких, лейтмотивом почти через все произведения фантастов проходит мысль о Прогрессорстве. В романе «Трудно быть богом», в котором только подготавливается почва для появления первых прогрессоров-землян, «вопрос о праве на вмешательство в историю чужой цивилизации» также становится одним из центральных [2, с. 25]. При этом в самоотверженном стремлении главного героя романа если не улучшить, то хотя бы облегчить страдания аборигенов планеты Эксперимента нельзя не увидеть черты донкихотства в его истинно русском изводе «как воплощения идеи о высоком предназначении человека» [1, с. 232].

Цель нашего исследования заключается в выявлении специфики интерпретации донкихотовской ситуации в романе Стругацких «Трудно быть богом». В ходе анализа будем опираться на понимание донкихотовской ситуации (положения) как ситуации-инварианта донкихотовского отношения героя к действительности, при котором «новые донкихоты» не отождествляются напрямую с идальго М. Сервантеса, «они лишь соотносены с персонажем знаменитого романа как с нормой “донкихотства”» [4, с. 153].

Отправляясь в мир «организованного зверства и напиральной серости», сотрудник земного Института экспериментальной истории Антон, как и рыцарь Сервантеса, присваивает себе громкое имя благородного дон Руматы Эсторского, дворянина до двадцать второго предка [5, с. 46, 155]. Реализуя одну из составляющих русского мифа о Дон Кихоте, то есть на самом деле становясь самозванцем [1, с. 220], разведчик надевает маску умершего пять лет назад аристократа, обладателя мятежной и не очень чистой души [5, с. 160], и буквально создает нового дон Румату, лучшего бойца Империи, блестящего кавалера из метрополии, авантюриста и вертопраха, сосланного в провинцию за дуэль из-за женщины [Там же, с. 61]. Перевоплощение

земного историка достоверно в мельчайших деталях. Даже вынужденную поездку на выигранном в карты хамахарском жеребце, который, как и небезызвестный Росинант, оказался «сущим бараклом», он обосновывает виртуозно по-донкихотски: «Интересно, научусь я когда-нибудь разбираться в лошадях? Правда, мы, Руматы Эсторские, спокон веков не разбираемся в лошадях. Мы знатоки боевых верблюдов» [Там же, с. 55]. Таким его знают при дворе. В отношении Руматы можно говорить о двойном самозванстве, т.к. для книжечеев Арканара, спасением которых занимается герой, его фигура действительно приобретает черты божественного заступника. Именно поэтому спасающийся бегством грамотей Киун признается, что он обрадовался, встретив благородного дона на дороге.

Свойственно Румате и донкихотовское бунтарство [1, с. 220]. С одной стороны, это часть игры, неотъемлемая составляющая дерзкого характера родовитого аристократа, который не знает слова «слишком», с другой – непримиримость, стремление нарушать установленные правила и излишняя порывистость были свойственны землянину Антону с детства. Герой, отравленный серостью и грязью чужого мира, так рассуждает о гипотетических последствиях обращенной на него традиционной придворной шутки: «Боюсь, что королю пришлось бы искать себе другого министра охраны, а Институту пришлось бы прислать в Арканар другого человека» [5, с. 132-133].

Находит свое отражение в образе Руматы, чужака, разведчика на планете Эксперимента, и характерное для русского донкихотства странничество. Интересно, что, шесть лет назад улетев с Земли, а по легенде – покинув имперскую столицу, он только начал свое путешествие. Проходя путь от таинственного Икающего леса, ленного владения вольнолюбивого барона Пампы, до пыточных подвалов Веселой Башни, герой, «воскрешённый» благородный дон, карнально проживая свою «загробную жизнь в Арканарском королевстве» [Там же, с. 162], постепенно спускается на самое дно феодального ада. Отметим, что параллельное движение происходит и в душе измотанного окружающим зверством Руматы: от неприятного ощущения накопившейся в душе «кислятины» до чёткого осознания, что ему «уже ничто не поможет», потому что он тоже озверел и «уже не играет высокородного хама, а в значительной степени стал им» [Там же, с. 56, 127]. Адом в душе героя оборачиваются опустошение, ощущение беспросветности, бессмысленности происходящего вокруг и собственных попыток повлиять на ход событий.

Можно назвать дону Румату и «лишним человеком» [1, с. 220]. Выражается это, в первую очередь, в подчеркнутом одиночестве героя, который не чувствует понимания, необходимой поддержки и облегчения ни во время встреч с коллегами-землянами, ни при общении с преданным Уно, «душевым другом» Пампой [5, с. 189] или возлюбленной Кирой, в образе которой воплощаются надежда героя на торжество разума и вера в ценность своей деятельности. Даже она, искренне любя Румату так, как могут любить только на Земле, говорит, что он «не просто добрый, хороший человек», но «еще и очень странный человек» [Там же, с. 174]. Из эпилога романа ясно, что всегда мрачный Антон, окончательно превращаясь в Рыцаря Печального Образа, после трагических событий в Арканаре еще больше отдаляется от друзей детства, то есть и на Земле становится в определенном смысле лишним, чужим.

Настоящим донкихотством изначально представляется и весь Эксперимент земного Института экспериментальной истории, в самом названии которого объединены несовместимые понятия, т.к. история, как верно замечает Пашка, не допускает движения назад и экспериментов над собой. Единственное оружие разведчиков – базисная теория феодализма, которая на практике не может ни объяснить, ни предсказать события в Арканаре. Поэтому, когда в феодальном королевстве появляется «типично фашистская практика» и «звери ежеминутно убивают людей» [Там же, с. 48-49], историки, по сути, остаются безоружными. Ограничены экспериментаторы и самой постановкой Проблемы Бескровного Воздействия, которая предполагает, что разведчики будут для аборигенов богами, спокойными наблюдателями и милосердными помощниками, забывшими о собственном справедливом гневе и ненависти. «Научно обоснованное бездействие» [Там же, с. 48] противоречиво так же, как и мечта сервантесовского Дон Кихота об искоренении всей неправды в мире. Благие намерения экспериментаторов зачастую приводят к провалу или в лучшем случае – к незначительному успеху.

Безрассудный оптимизм историков проявляется и в том, что работа не сворачивается даже после многочисленных срывов, восстаний, переворотов и сумасшедших попыток внедрить Золотой Век в отдельно взятом регионе. Отправляя сорвавшихся «спринтеров с коротким дыханием» [Там же, с. 51] лечиться на Землю, оставшиеся продолжают не менее безумную борьбу со своими ветряными мельницами, сражение со своей собственной природой: «Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог» [Там же, с. 55]. Донкихотство по долгу службы, деятельность, направленная на окружающий мир, не посев, а лишь подготовка почвы для будущего посева оборачиваются фактическим бессилием, безысходно драматическим балансированием на грани, где действие и бездействие одинаково преступны. Поэтому безумны не только взбунтовавшиеся энтузиасты, разведчики сходят с ума и от вынужденного бездействия и окружающей подлости. Нельзя не согласиться, что Стругацкие «в конечном итоге манифестируют общую идею невозможности оптимизации истории и ускорения прогресса» [3, с. 29]. Чуждый историкам мир меняет их гораздо больше, чем могут изменить его сами разведчики, а двадцатилетняя работа на планете заканчивается крахом. Идея Бескровного Воздействия не выдерживает испытания в вывернутом наизнанку гротескно карнавальном мире Арканара, т.к. Эксперимент был обречён с самого начала.

В романе донкихотовская ситуация имеет и второй внутренний план, отражающийся в своеобразном сумасшествии Руматы, неизбежном раздвоении сознания землянина, в воображении которого проигрываются своего рода диалоги между историком Антоном и доном Руматой. Герой с ужасом понимает, что практика Эксперимента требует превращения не в бога, а в животное. По-настоящему страшно герою становится, когда он впервые теряет над собой контроль и осознает, что заручил бы случайно оказавшихся на его пути скалящихся серых

штурмовиков, если бы те не успели вовремя скрыться: «Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел» [5, с. 78]. Игра в бога зашла слишком далеко, он, как и предостерегал дон Кондор, из сотрудника превратился в экспонат музея Института, едва не выпустил на волю внутреннего зверя. Интересно, что душевные изменения Румата сравнивает с болезнью, вспоминая о потрясении, которое он пережил, впервые заболев, почувствовав, что «в нем что-то разладилось, что он стал ущербным» [Там же, с. 79]. И этот внутренний разлад закономерен и неизбежен в тени беспощадной наступающей серости, предвестницы мрака: «Я же все-таки человек, и все животное мне не чуждо» [Там же]. Трудно быть богом, но еще труднее не стать зверем в мире, где правда не отличается от лжи, а человеческая жизнь ничего не стоит.

В романе обнаруживается смешение двух интерпретаций донкихотства – «как любви к добру» и «как ненависти к злу» [1, с. 229]. Согласно программе Эксперимента Румата спасает от преследования представителей местной интеллигенции, в каком-то смысле отбирает семена добра для того самого будущего посева, но, сталкиваясь с неистребимым зверством, холодной покорностью и приспособленчеством, он постоянно думает о том, как покарать чужой мир, а не облагодетельствовать его. Хотя прекрасно знает, что «это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы. И ничего не менялось» [5, с. 146]. Проявляется болезненная раздвоенность донкихотовского положения героя и в том, что, защищая случайных прохожих от меча разбушевавшегося Пампы, в то же время Румата снабжает профессионального мятежника Арату золотом дьявольской чистоты, использование которого приведет к неисчислимо большому количеству смертей. Как представитель цивилизации, стоящей на более высокой ступени развития, аборигенам Румата кажется всемогущим, но не все милостивым богом, а скорее языческим божеством, сыном бога или даже самим дьяволом. Он всемогущ, но не всемогущ, при желании силой (хотя бы и временно) дон Румата может исправить уродства окружающей действительности, но он бессилён изменить жителей Арканара.

Коллеблющийся между привитой воспитанием тягой к добру и злым соблазном быстрой победы, он понимает, что «никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату» [Там же]. Нельзя стать богом для тех, кто идет той же дорогой, что и ты, т.к. исторический путь землян еще не окончен, он продолжается, как продолжается развитие аборигенов, «протоплазмы», заготовок, из которых когда-нибудь получатся бодрые, сильные и смелые люди. Но чтобы стать такими, они должны пройти свой путь сами, ведь, получив все даром, они все равно останутся животными. Опередившие же их земляне, наследники тех, кто когда-то уже прошел тяжелой дорогой очеловечивания, обязаны идти только вперед, чтобы сохранить и постараться приумножить то, что у них уже есть. Именно уберечь человеческое в самом себе и старается донкихотствующий благородный дон Румата, проходящий в мире других своего рода испытание на человечность: «Это Эксперимент надо мной, а не над ними» [Там же, с. 172]. Значимо, что резня, учиненная им в финале романа, – это не божественная кара или самоуверенная попытка очередного насаждения Золотого Века, а месть, отчаянный поступок лишённого надежды, обезумевшего от горя и бессилия человека, который не справился со зверем внутри себя.

Подводя итог, отметим, что донкихотовская ситуация в романе Стругацких представляется драматически неразрешимой. Истинное донкихотство – это не борьба за гибнущее человечество, а сражение за человека, вечная битва против зла в душе самого человека, настоящего врага, без победы над которым невозможно изменить мир вокруг. Продолжается это сражение, пока существует человек, а человек остается человеком только до тех пор, пока идет эта борьба.

Список источников

1. **Багно В. Е.** Русское донкихотство как феномен культуры // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни / отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2003. С. 217-232.
2. **Борода Е. В.** От Благодетеля к Прогрессору: модификация образа сверхчеловека в отечественной фантастике XX века // Филология и человек. 2008. № 4. С. 21-27.
3. **Лобин А. М.** К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX-XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 28-30.
4. **Пинский Л. Е.** Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 149-232.
5. **Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.** Трудно быть богом. Попытка к бегству. Далекая Радуга. М. – СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003. 491 с.

THE OMNIPOTENT POWERLESSNESS OF DON RUMATA: ON THE SPECIFICITY OF THE INTERPRETATION OF A QUIXOTIC SITUATION IN THE NOVEL BY A. AND B. STRUGATSKY “HARD TO BE A GOD”

Ponomareva Dar'ya Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
darya-ponomareva@bk.ru

The article analyzes the specificity of a quixotic situation in the novel by A. and B. Strugatsky “Hard to Be a God”. The quixotic position of the protagonist of the novel Don Rumata, a pretender, rebel, stranger and an odd man, passing the test of humanity, is revealed as dramatically insoluble. True quixotism is not a struggle for the mankind, but a battle for a man, an eternal battle against evil in the soul of a man himself, which continues as long as a man exists, and a man remains a man only as long as this struggle is going on.

Key words and phrases: brothers Strugatsky; Don Rumata; quixotic situation; quixotism; pretender; rebel; stranger; odd man.